Сергѣй Есенин

Moscu 28. Ayer se ha suicidado el conocido Peter Serge Essenin. El Liberal. Madrid.

Есенина я встрѣчал неоднократно, но лишь однажды мнѣ привелось увидать его [illegible]. Это было в его послѣднюю поѣздку по Европѣ, он пріѣхал в Париж и остановился в Пасси, в особнякѣ своей жены, Айседоры Дункан.

Я пришел к нему под вечер. Меня встрѣтила одна из послѣдовательниц Айседоры Дункан, не то гречанка, не то [illegible], похожая на мужика, облаченнаго в наряд сестры милосердія. [illegible] Есенин сидѣл за столом, блѣдный [illegible]. Перед ним, на креслѣ [illegible] стул, какой-то [illegible] — всегда [illegible] коммунизма.

Есенин — радушный, слишком радушный хозяин. [illegible] всегда производит не [illegible] впечатлѣніе. Конечно, это [illegible].

— Я вам с радостью помогу, — горячился Есенин. Найду вам [illegible] работу, [illegible] сестрѣ милосердія. [illegible] не курите?

Гость уныло [illegible].

— Нѣт, что в Россіи! Это все жиды. [illegible] — Вы не думайте, я жидов очень люблю, мои лучшіе друзья — жиды. [illegible] Папиросы всѣ вышли? [illegible] сестра милосердія.

— Хорошо, [illegible] она, как [illegible] дѣтям, [illegible] сидѣть на мѣстѣ. Из за двери раздавалась [illegible] музыка.

— Скажите ей, чтобы она перестала. Она мнѣ мѣшает. Весь день вот так.

— Хорошо, тѣм не менѣе.

[illegible] Есенин [illegible] сестру:

— Дай мнѣ сто франков. Я тебѣ говорю, чтоб ты мнѣ дала? Слышишь? Ну, пятьдесят! Пожалуйста.

В [illegible] шуршаніе кредиток и [illegible].

Есенин исчезает.

В дверях появляется Айседора Дункан. Она [illegible] нас, [illegible] быстро, без всякой [illegible]:

— Скажите, вѣдь русскіе поэты [illegible]? И [illegible] — Quand Serge ne boit pas, c'est un ange. Un ange.

И с [illegible] улыбкой: Some [illegible] tea? [illegible]

— [illegible]. У него в [illegible] франков, он [illegible].

[illegible] Есенин [illegible].

С ним обращаются, как с ребенком. [illegible] Если его хорошенько встряхнуть, он [illegible] русский человѣк. В то же время в нем [illegible] — Вернись, [illegible] как с ребенком [illegible].

[illegible] Есенин [illegible]

— Вернись! и [illegible] губами [illegible]хъ. Она ласкательно и небрежно отталкивает его, совсѣм как ребенка.

Время тянется нестерпимо долго. Есенин громогласно провозглашает Раймонда Дункана своим лучшим другом, самым геніальным человѣком на свѣтѣ. У геніальнаго человѣка лицо [illegible] и по-женски длинные немытые волосы. Разговоры о большевиках и о коммунистах, о жидах и об евреях: какой сумбур в головѣ Есенина!

Меня тянут за руку. Сестра милосердія шепчет мнѣ:

— Уходите. Ему пора спать.

Бѣдное дитя!

Свиданіе это ничѣм само по себѣ не замѣчательно, но, вѣроятно, подобное существованіе наложило отпечаток на Есенина. Ему суждено было пройти еще сквозь много испытаній, но и тогда даже он производил впечатлѣніе не человѣка, а милаго, но жалкаго человѣческаго подобія.

Когда поэты рано умирают, в их стихах принято искать предсказанія их преждевременной кончины. Несмотря на всю условность и сомнительность этого обычая, он содержит в себѣ много вѣрнаго. Надо только признать, что стихи — ничто иное, как вид пророчества. И тогда, быть может, поэзія Есенина поможет понять причины, приведшія Есенина в номер гостиницы «Англетерр». Что-же касается людей, любивших его стихи, то они не имѣют права изумляться или негодовать при извѣстіи об его самоубійствѣ; этим они оскорбляют память поэта, исполнившаго свои пророчества, которым они поспѣшили не повѣрить: поэт — не кукла и не комедіант, и Есенин, написавшій предсмертное стихотвореніе кровью, только осуществил всѣм извѣстную метафору.

Влад. Познер.

„Жанна д'Арк"

Премію Femina в этом году получил Жозеф Дельтей *). Оказывается, жюри, составленное из дам, разбирается в литературѣ лучше и точнѣе, нежели почетные члены Гонкуровской Академіи: как иначе «Жанна д'Арк» интереснѣй «Рабевэля».

У Дельтей есть страстные поклонники и не менѣе страстные противники. Дѣйствительно, книги его не могут оставить читателя равнодушным. В них чувствуется сильная индивидуальность. Надо условиться о значеніи слов. Обычно, индивидуальность считается достоинством. Однако, есть плохіе писатели с сильной индивидуальностью, например Пильняк, и наоборот, прекрасные писатели без всякой индивидуальности: хотя-бы Жуковскій (пусть нам простят два разнокалиберных примѣра). Очевидно, индивидуальность есть особенность, присущая авторам независимо от размѣра их таланта. Мы снова просим читателя простить нас, — на этот раз за школьныя истины, но нам казалось полезным повторить их, прежде чѣм перейти к разбору книги Дельтейя.

Надо быть Бернардом Шоу, чтоб по новому подойти к личности Жанны д'Арк: ея біографія извѣстна каждому. Дельтей понял это и воздержался от жизнеописанія французской героини. На біографической канвѣ он вышил свои [illegible], полные остроумія, размышленія. [illegible] приятельскаго книг с [illegible] отступленіями, в наше время так [illegible] люди не [illegible] по своим [illegible] к отдаленному [illegible] романа. Но надо, чтобы отступленія [illegible] были очень высокаго качества, а что всего важнѣй продуманность и искренность, рождающія подлинный пафос.

Пафоса у Дельтейя сколько угодно, об искренности своей он твердит без конца, но почему-то не вѣрится ни тому, ни другому. Когда человѣк утверждает, что он больше всего на свѣтѣ любит мокнуть под дождем, ему вѣришь с трудом. Дельтей говорит о своей беззавѣтной любви к Жаннѣ д'Арк именно в таком тонѣ. Самый замысел Дельтейя написать апологію Орлеанской Дѣвственницы вызывает подозрѣніе, которое усиливается при чтеніи книги.

Апологія не может обойтись без пафоса. Пафос Дельтейя дѣланный, головной. Жанна д'Арк сосет грудь матери, автор умиляется: «ах. Молоко с большой буквы!» у нея прорѣзался первый зуб — «ах, Зуб с большой буквы!» Его умиленіе переходит в сюсюканье. Истинная любовь требует большей простоты, а во все не злоупотребленія восклицательными знаками.

Чтобы поставить своих героев внѣ времени, а, может просто, чтоб придать роману злободневность, Дельтей прибѣгает к анахронизмам. Святая Екатерина говорит Жаннѣ д'Арк о Родэнѣ, Бонапартѣ Мистралѣ. Это не украшает ни ея рѣчи, ни книги.

Итак, отсутствіе искренности, ложный пафос и анахронизмы. Под ними ничего нѣт: ни любви, ни даже интереса. И потому героиня книги вышла мертвой, несмотря на сугубую жизнь, которую пытался вдохнуть в нее автор. Напрасно Дельтей утверждает, что он «один из рѣдких людей, способных понять теперь это дитя». Он думал, что достаточно отказаться от исторических данных, чтобы смести с Жанны д'Арк пыль вѣков. Он достиг только первой цѣли.

Главное он чуть было не набрел на новое и интересное толкованіе личности Жанны. Он отмѣчает, что в трехмѣсячном возрастѣ она, как всѣ младенцы, не знала грани между возможным и невозможным: она одинаково тянулась за яблоком и за солнцем. Быть может в этом отношеніи она навсегда осталась младенцем, и потому все для нея оказалось возможным.

Дельтей не выполнил основной задачи всякаго романиста, он не описал живых людей. Вмѣсто того, чтоб говорить о Жаннѣ д'Арк, он повѣствует о своем к ней отношеніи. Соображенія его подчас забавны, но они никак не могут составить романа. Не будем судить его слишком строго: одна книга ничего не доказывает. Что-же касается Жанны д'Арк, то ей во Франціи, вообще не повезло: ни Вольтер, ни Франс не создали ничего достойнаго ея, пусть враждебнаго ей, но равнаго по значительности. Не странно-ли что лучшія о ней книги написаны нѣмцем Шиллером и англичанином Шоу.

Влад. Декабрев.

*) Joseph Delteil. Jeanne d'Arc. Bernard Grasset. 1926.

Книжн. маг. въ Парижѣ „МОСКВА"
Librairie russe „MOSKWA"
9, rue Dupuytren, Paris (VI)
около Métro Odéon. Tél: Fleurus 37-[illegible]
Аверченко. „[illegible]"
Булгаков. „[illegible]"
[illegible]

БИБЛІОГРАФІЯ

ИВ. БУНИН. — Митина Любовь. Париж. 1926.

Фабула повѣсти в нѣсколько печатных листов, вошедшей в новую книгу разсказов Ив. Бунина, и давшей ей заглавіе, укладывается в нѣсколько строк. Митя, молодой студент, полюбил Катю, молоденькую ученицу драматической школы, Катя ему любимому предпочла директора школы, Митя измѣны не перенес и застрѣлился.

Еще короче можно было-бы разсказать содержаніе «Страданій молодого Вертера», и также немногословно можно было-бы изложить трагедію Гельдерлина, его несчастной любви к Дютимѣ, и творчество всѣх нѣмецких романтиков, Тика, Вакенродера, Шлегелей и Новалиса, для котораго, как и для московскаго студента Мити; «Любовь — конечная цѣль исторіи вселенной, аминь міозданія».

На глазах у И. Бунина, безпощаднаго бытописателя русской деревни, несравненнаго живописца русской природы, произошли событія, какія не снились многим мудрецам. То, что произошло оторвало его, откинуло в внѣпространственность и внѣвременность от уклада жизни, гдѣ кромѣ пьяных, жадных, звѣрино-жестоких мужиков и оборотистых, распутных баб, было еще что-то, огромной для И. Бунина цѣнности, эстетической и этической, и, конечно, самое существенное: было излученіе тепла, свѣта, красоты. — источников которых И. Бунин, однако, в своих разсказах и повѣстях не воспроизводил.

«Тарантелла» — повѣсть, гдѣ так мастерски, чеканно описаны помѣщичій дом, старо-дворянская семья, столичные гости, повѣсть эта не давала читателю ощущенія ничѣм не замѣнимой для автора органической скрѣпы с этой средой и с укладом ея жизни. А это, едва-ли не единственное произведеніе И. Бунина, в котором среда, быт, отсутствующіе теперь в панорамѣ русской жизни, изображены — художественно и зрительно ярко, а не только элегично, и не только пейзажно. Лишь в годы своего эмигрантскаго кочевья И. Бунин стал в своих разсказах и стихах утверждать незамѣнимость для него среды и быта, внѣ которых как будто немыслимы для него полнота жизни и духовное цвѣтеніе.

В одном томѣ с «Тарантеллой» — напечатан был изумительный разсказ того-же автора, разсказ о старом дряхлѣющем мужикѣ, оставленном при домѣ в лѣтній страдный день, о безмѣрной тоскѣ его по работѣ, по косѣ, по веселому перекличку голосов на полях. И вот, в этом разсказѣ была и есть — оттого что такія страницы всегда — настоящее, времени никогда не подвластное, — в этом разсказѣ для каждаго, даже мало-искушеннаго читателя ясна, ощутима спайка органическая с темой, с эпическим образом Кострюки, с его прекрасной печалью, мыслимой на любом меридіанѣ земного шара и вѣчной, как природа.

«Кострюк» — «Господин из Сан-Франциско», наконец, «Митина Любовь» — три основных, три главнѣйших момента на длинном творческом пути Ив. Бунина. Яркія показанія тому, что именно в отрѣшенности от быта, от внѣшних аксессуаров, с наибольшей силою, правдивостью и убѣдительностью утверждает себя его творческая мысль, его рѣзец, не до [illegible] того-то уѣзда, или такой-то губерніи, а на глобѣ вселенной высѣкающій художественные образы и символы.

Земля — [illegible] Франциско», и любовь, которая для Новалиса была той-же вѣрой, религіей, для Шлегеля символом Вселенной — («Любишь — и ты, если всего міра не находишь в образѣ любимой). Для московскаго студента Мити, быть может ни одной строки нѣмецких романтиков не знавшаго, тѣм-же символом Вселенной, той-же религіей была Катя, «то прелестнѣйшее в мірѣ, чего от нея хотѣл, требовал Митя». Теперь, по мѣрѣ того, как шли весенніе дни, он требовал от нея все больше и больше. И теперь, когда ея не было, был только ея образ, образ не существующій, а только желанный, она, казалось, ничѣм не нарушала того безпорочнаго и прекраснаго, что от нея требовали, и с каждым днем все живѣе и живѣе чувствовалась во всем, на что бы ни заглянул Митя». —

Катя вездѣ, во всем, и полную с краями чашу любви Митя носил «осторожно, тихо и счастливо, даже гордо ожидая новаго письма». —

Попыткой разрѣшить завязавшуюся любовную муку, — Митя измѣнил самой природѣ своей любви, ея высокой святости, и, осквернив ее сближеніем с милой деревенской молодайкой, безконечно ему чуждой и ненужной Аленкой, он толкнул себя в тупик без'исходности. Возврата к прежнему «дивному видѣнію счастья» не было, и когда ясно стало для Мити, что поруганнаго счастья, муки, загрязненной уступкой плоти, не спасти, облегченіем и искупленіем могла быть только смерть, которую Митя принял с наслажденіем, «глубоко и радостно вздохнув».

Не случайность что, «Митину Любовь» Ив. Бунин написал на чужбинѣ, в дни, когда романтизму так чужд ритм окружающей его дѣйствительности, и еще болѣе чужда романтизму русская современность.

И не началом-ли новаго литературнаго движенія является эта, об идеалистической душевной настроенности свидѣтельствующая повѣсть, в наши дни волнующая глубже, чѣм «Страданія молодого Вертера», — как новую романтическую эпоху в французской литературѣ открыли книги Шатобріана, написанныя тоже в условіях эмигрантской жизни, и в дни, во многом аналогичные нашим?

В нарядно-изданную книгу вошло еще нѣсколько стихотвореній и нѣсколько разсказов, в которых Ив. Бунин — даже в таких мало-убѣдительных, как «Товарищ Дозорный», «Красный Генерал» — в удивительном по лѣпкѣ и богатству образов юродивых, во недобром разсказѣ «Слова» — всегда остается Буниным, большим художником, мастером и чародѣем художественнаго слова, одним из немногих, кому «оружіе прошло душу, и открылись ему помышленія многих сердец...».

А. Даманская.

«Благонамѣренный.» Журнал русской литературной культуры. (Редактор: кн. Д. А. Шаховской). Книга 1. Брюссель. 1926.

Сомнѣній нѣт: намѣренія новаго журнала столь благія, что именно по ним слѣдует судить о нем и за них придется его хвалить. Неизбѣжные недостатки перваго номера: пестрота, неравноцѣнность матеріала, слишком случайное содержаніе отдѣла иностраннаго архива и нѣкоторая блѣдность отдѣла библіографическаго, — все это не [illegible] что этим путем он тѣм вѣрнѣй послужит всему другому.

Каковы-бы ни были перед русским просвѣщеніем заслуги «толстаго журнала», как бы мы ни привыкли под одной обложкой находить «Войну и Мир» и разсужденіе о землепользованіи у хорватов, все-таки и эти заслуги объясняются лишь опредѣленными историческими условіями и в этой привычкѣ нѣт ничего священнаго. Мы просто пріучились довольствоваться нашим традиціонным ежемѣсячником, примирились постепенно с его дидактическим видом и не всегда естественной уплотненностью чисто — литературный журнал стал нам казаться какою-то недоступной, а может-быть и грѣшной роскошью. На самом дѣлѣ он роскошь только в той мѣрѣ, в какой роскошь сама литература. Если мы позволяем себѣ имѣть литературу, мы могли-бы разрѣшить собѣ и литературный журнал. И когда теперь, несмотря на всѣ трудности времени, нам хотят его подарить, мы должны принять его с благодарностью.

Внѣшность журнала вполнѣ отвѣчает его замыслу. Среди прозы, статей, стихов перваго номера есть немало интереснаго. Невозможно на всем остановиться и поэтому не стоит всего перечислять. Отмѣтим только острую и живую, как всегда, статью кн. Д. Святополк — Мирскаго «О нынѣшнем состояніи русской литературы», гдѣ высказано быть может много спорнаго, но всегда такого, с чѣм стоит спорить, и отрывки присланные И. А. Буниным из книги «Воды многія», впечатлѣнія моря и корабля, прекрасные в своей спокойной простотѣ. Мы прочтем с интересом весь номер, Бунина мы перечтем и, уже перевернув страницу, точно руку положа на грудь, мы еще будем слышать плавное дыханіе этой гармонической и равномѣрной прозы.

Н. Т.

„Русскій жанр"

Нам пишут из Берлина:

«Русских произведеній этот сезон дает не много, значительно меньше предыдущих сезонов, но «русскаго» жанра достаточно. До крушенія царскаго режима излюбленными героями оперетт были разные балканскіе князья и принцы, вродѣ пресловутаго принца «Дуррацкаго». Теперь же рѣдкая оперетта обходится без русскаго князя, княгини или других когда-то высокопоставленных лиц. Не так давно в одном берлинском театрѣ, в котором года два тому назад «Борис Годунов» Мусоргскаго приводил нѣмцев в неописуемый восторг, пользовалась симпатіями публики оперетта «Дер Орлов» (конечно, с удареніем на первом слогѣ и с нѣмым «в»). Не слѣдует думать, что Орлов фамилія. Это бриллiант [illegible] Александра [illegible] мастеров [illegible] фабрики. Великій князь [illegible] этот бриллiант русской [illegible] Надѣ Надьяловой [illegible], Надья Надьяловой). [illegible] оперетты, так как [illegible] Теперь [illegible] «Ночь [illegible]» [illegible] русскій князь [illegible] князь [illegible] комедія А. Сахарова «Великая [illegible]» [illegible]

Простясь угловато совал руку, прощаясь. Есенин отвел в сторону сестру:

— Дай мнѣ сто франков. Я тебѣ говорю, чтоб ты мнѣ дала! Слышишь? Ну, пятьдесят! Пожалуйста.

В прихожей шумѣли кредиток и тихое: «спасибо».

Есенин исчезает.

В дверях появляется Айседора Дункан. Она предлагает чаю, разливает его, потом говорит мнѣ очень быстро, без всякой иронии:

— Скажите, всѣ русские пьютъ пьют? И как бы схохватившись: — Quand Serge ne boit pas, c'est un ange. Un ange.

И с неизмѣняемой свѣтской улыбкой: Some more tea? Чашка.

Потом?

— Позовите его. Гдѣ он? Наверху? Я боюсь пойти к нему. У него в чемоданѣ браунинг, он грозился убить меня.

Есенин не возвращается. Зовем, кричим, бѣгаем, его все нѣт. На улицѣ — по зимнѣйски, он никого не видѣл. Наконец, оказывается Есенин. Он был на кухнѣ.

С ним обращаются, как с ребенком. Кажется, что иначе и нельзя. У него та кой нерѣшительный, неувѣренный вид. Если его хорошенько встряхнуть, он развалится на составныя части. Поистинѣ русский человѣк. В то же время в нем много хитрецы. Но главное, основное, — беззлобие. Кажется, что из него вынут хребет. Вѣроятно, он сам созна ет свою слабость, сознает, что с ним об ращаются, как с ребенком, не привык к этому, может быть, повѣрил.

Входит горничная. Есенин к ней:

— Baiser! и чмокает губами в воздуху

Современныя записки

XXVI. ПАРИЖ.

Двадцать шестая книга «Современных Записок» является немного юбилейной. Она знаменует пятилѣтіе выхода журна ла, который оказывается таким образом чуть - ли не самым старым и прочным литературным предпріятіем в эмиграціи.

Книга эта достойна быть юбилейной и по своему содержанію, не потому, что бы все в ней было одинаково интересно. Но то, что отличает журнал от слу чайнаго сборника, разсказов или статей присутствует в ней в полной мѣрѣ. Кни га журнала должна быть хорошо «орке стрована»: чѣм больше в ней элементов, «инструментов», чѣм она разнообразнѣе и чѣм больше в этом разнообра зіи единства, чѣм гармоничнѣе отдѣль ные инструменты перекликаются — тѣм выше качество журнала, независимо от достоинства той или иной вещи, в нем напечатанной. Журнал должен имѣть свое лицо, он не просто равен суммѣ на печатаннаго в нем матеріала. Духовный облик «Современных Записок» полно и гармонично выразился в этой книжкѣ.

Только отсутствіем истинной и на пряженной литературной жизни и в со вѣтской и в зарубежной Россіи отсутствіе м резонанса, можно об'яснить то,что так мало сенсаціонно появленіе неизданных художественных произведений Л. Н. Толстого. В этой книгѣ напечатан цѣлый ряд (больше 80 страниц) отрывков и ва ріантов «Казаков». Когда в 1852 году со стихійной силой неожиданно явились первыя и уже совершенныя произведе нія молодого Толстого, никто не знал о подготовительной работѣ их автора. Только теперь имѣем мы возможность за глянуть в ту лабораторію, в которой го товился этот взрыв. Основной мотив тол стовскаго творчества, как правильно ука зывает Хирьяков, уже явственен в этих отрывках-Но характерная толстовская ху дожественная форма только еще выраба тывается. Есть отрывки чарующіе и ра дующіе как лучшія страницы Толсто. Другіе еще совсѣм не похожи на Толсто го по тону и темпу, по построенію фразы и манерѣ повѣствованія. Как ни стран но, но, повидимому, Толстому не была чужда мысль о стихотворной поэмѣ. Фа була была задумана мелодраматичнѣе, с измѣной . казню, убійствами. Только по степенно повѣсть стала такой, какой мы ее знаем.

Словно для того, чтобы казался менѣе рѣзок переход от Толстого к современ ному художественному творчеству ря дом с «Казаками» помѣщено произведе ніе Бунина. Эти строки нельзя назвать разсказом. Это философская лирика, сти хотвореніе, или вѣрнѣе поэма в прозѣ. В изумительно переданную южную звѣздную ночь, под непрерывный звон цикал Бунин думает о мірѣ, о Богѣ, о су ществѣ художника. В этом послѣднем, в его эстетикѣ и философіи творчества ключ ко всей философіи Бунина. Филосо фія эта близка к буддизму.Цѣнны здѣсь не разсужденія, а переживанія, их глу бина и убѣдительность. Как не повѣрить Бунину, что его предки или он сам в ином воплощеніи (ибо грань индивидуа льности почти стирается Буниным) жи ли на Цейлонѣ, что он не знает, а вспо минает этот южный рай. Богатство ху дожника для Бунина — это богатство па мяти, личной и родовой. Чтобы воплоа тить это богатство нужна какая то пер вобытная страстность міровосприятія. Отсюда это неожиданное,немного страш ное сравненіе великих людей с гориллами. «Всѣ они ненасытные рабы Майи — послушай, послушай ее! — и в тоже вре мя ощутители Нирваны с ея вѣчным бла женством все - таки всегда скорбным для смертнаго...». Этой скорбью проник нуты «Цикады». Но об этой замѣчатель ной поэмѣ нужно говорить не в бѣглой замѣткѣ, а в связи со всѣм творчеством Бунина.

От скорби о вѣчном к горечи и злоб ѣ сегодняшняго дня Россіи уводит раз сказ Шмелева «На Пеньках». По настрое нію он примыкает к его «Солнцу Мерт вых». Только фоном вмѣсто ярко страш наго крымскаго пейзажа служит «гнусненькое болотце на вз'ерошенной выруб кѣ» с криком унылой пѣгицы - пиголи цы, с привкусом іодоформа и хлорофор ма. «Его герой, «бывшій» человѣк, нѣ когда европейскій ученый, а нынѣ «го лый человѣк на голой зѣмлѣ». Не дости гая той высоты и напряженія, которыя были в «Солнцѣ Мертвых», и в этой ве щи Шмелева горит столь необычайный для нашей литературы пафос, изрѣдка граничащій с риторикой, но всегда зара жающій искренностью и силой. Мимо страшных описаній физическаго и ду ховнаго рабства, в ко тором бьется рус ская интеллигенція, м мо этого страст наго обвинительнаго акта нельзя прой ти равнодушно!

О том же ужасѣ, но совсѣм по иному говорят два разсказа Ремизова. «Труд дезертир» и «По бѣдовому декрету». Сейчас и в Россіи и в эмиграціи с особен но повышенным интересом относятся к новой русской литературѣ, к тому, как она отражает русскую жизнь. Большеви кам по соображеніям партійным, а дру гим по какой - то слѣпой патріотической вѣрѣ в судьбы русскаго народа и рус ской литературы нужно найти новые та ланты, новую литературу. Мессіаническое ожиданіе создает мессій, увы по большей часть лишь мессій на час, са мозванцев. Если бы кто - нибудь из спо собных учеников в Россіи, из существую щих там «ремизовичей» написал эту вещь, если бы скажем, Леонов, умѣю щій писать под всѣ стиль дал бы подоб ные этим разсказы — какой бы шум мы подняли, друзья, сколько споров было бы вокруг них. Написанные эмигрантом они рискуют пройти незамѣченны ми. Между тѣм Ремизов с его чуткостью к страданью, с его болѣзненной жалос тью, с его повышенным ощущеніем нелѣпостей и странностей жизни, с его «ре мизовщиной», облекающей эту боль и нелѣпицу в затѣйливые и стильные узо ры, умѣет подойти к совѣтской дѣйстви тельности как никто другой из русских писателей. Но мы ждем мессію и послѣ довательно привѣтствуем Пильняка, Се рапіонов, Леонова. Сейфулину..

Мы жаждем новаго, моднаго, но как дый писатель, даже обновляя свои те мы и манеру, остается в сущности рав ным себѣ, единым и «вѣчным». В нѣко торых писателях это болѣе явственно, чѣм в других. Зайцев не мѣняется, хотя все упорнѣе обращается к темѣ «свято сти», к христіанству. Но его «Алексѣй. Человѣк Божій» — родной брат его дру гих не святых и даже грѣшных героев. Есть писатели болѣе разнообразные, бо лѣе «оркестровые», чѣм Зайцев. В его распоряженіи только один инструмент. Но в искусствѣ важно не разнообразіе, а совершенство. Есть особый зайцевскій звук в русской литературѣ, зучащій у не го так чисто и ясно, как ни у кого дру гого. Если бы не хронологія то можно было - бы говорить о «зайцевском» у Тургенева или Чехова, а не наоборот. Это дѣлает Зайцева « единственным » нужным русской литературѣ нужным, может быть, и не очень многочисленным читателям, но для этих читателей неза мѣнимым.

К беллетристикѣ журнала можно было бы в сущности отнести и «Мои Служ бы» Марины Цвѣтаевой, хотя, как вос поминанія, онѣ и помѣщены во второй части книги. Как и другія ея воспомина нія онѣ очень живы и ярки, иногда, по жалуй, черезчур ярки, до боли в глаз ах. Всѣ кого она встрѣчала оживают у нея под пером, как у настоящаго худож ника, хотя она пишет их- пожалуй, чуть чуть больше чѣм в натуральную вели чину.

Во второй части журнала ряд статей —Мережковскій, Алданов, Кизеветтер, М. Цетлин — посвящен столѣтію 14 де кабря.

П. П . Муратов продолжает в этом но мерѣ серію статей, о современном искус ствѣ. Искусство связано с другими обла стями духа, со всей жизнью и статьи Му ратова лучшій примѣр того, как можно писать об искусствѣ без шор формальна го метода на глазах. Муратов дает и бле стящій формальный анализ нового искус ства (или как он предпочитает говорить «антиискусства») синематографа и свя зывает проблему его с цѣлым рядом дру гих явленій современности. В этой ста тьѣ, как и в предыдущих, он дает много неожиданных широких обобщеній, мно го проскѣ в прошлое и будущее, нѣкую социально - эстетическую философію.

Литературная критика представлена в номерѣ двумя статьями: В. Ходасевич да лиз т. н. пролетарской поэзіи. Ф. Степун отвѣчает «тонкому и чуткому г. Ворон скому» на критику его своей статьи о со вѣтской литературѣ. Впервые с такой опредѣленностью подчеркивает Степун, что старые писатели не осуждены в эми граціи на безплодіе, что Бунин, напри мѣр органически связан с Россіей и сто собен на живое и здоровое творчество. Только молодое писательское поколѣніе эмиграціи, выросшее внѣ быта и приро ды Россіи, обречено, по мнѣнію Степу на, на безплодную тоску по Россіи. «Ржа ного поля по Бунински он (молодой эми грантскій писатель) никогда не напи шет». От его ржей всегда будет пахнуть не рожью, а эмигрантской тоской по ней; ржи пахнут Богом и хлѣбом, а тос ка —полынью — это запахи разныя. В этом есть вѣроятно горькая правда. Ес ли міровая литература знала много ве ликих писателей эмигрантов (Данте, Го го), то трудно вспомнить писателя но росших в эмиграціи. Правда эмигран дѣтей не теряющих все же связи с ис ней родиной вещь вообще еще неизвѣ стная. Есть примѣр и того, как из двух рос ственных писателей один зачах на роли нѣ, а другой расцвѣл на чужбинѣ (Гер го и Ламартин).

Как и во всѣх книгах «Современных Записок» в этой книгѣ мало стихов. В этом смыслѣ журнал продолжает плохую традицію русских толстых журна лов.Журнал напечатал много прекрасных стихотворений, но истинной жизни и дви женія в нем в этой области не было. Ви новата - ли Релакція или нѣкоторое без временье в русской поэзіи, трудно ска зать. Тѣм пріятнѣе в послѣдних книжках журнала встрѣчать стихи В. Ходасевича. Каждое новое его стихотвореніе как жется новой удачей, но это не случай ныя удачи: это зрѣлость и расцвѣт та ланта. Как неожиданны и прекрасны пос лѣ реалистическаго описанія мюзик холла послѣднія строки его стихотворенія «Звѣзды»:

«Не легкій труд, о Боже правый,
Всю жизнь возсоздавать мечтой
Твой мір, горящій звѣздной славой
И первозданною красой.

Мы не будем касаться в этой рецен зіи богатаго публицистическаго отдѣла журнала. Упомянем только о большой статьѣ М. Вишняка, подводящей итоги за пять лѣт общественно - политической работы «Современных Записок» о статьѣ К. Р. Качоровскаго «Русская Община», В. Талина «Господин Урожай» и о живых полубеллетристических очерках Е. Д. Кусковой «Об утопіях, реальностях и загадках».

М. Цетлин.

Просительъ угловато совалъ руку, прощаясь. Есенинъ отвелъ въ сторону сестру:

— Дай мнѣ сто франковъ. Я тебѣ говорю, чтобъ ты мнѣ дала! Слышишь? Ну, пятьдесятъ! Пожалуйста.

Въ прихожей шумѣли кредиторы и тихое: «спасибо».

Есенинъ исчезаетъ.

Въ дверяхъ появляется Айседора Дункан. Она предлагаетъ чаю, разливаетъ его, потомъ говоритъ мнѣ очень быстро, безъ всякой иронии:

— Скажите, всѣ русскіе много пьютъ? И какъ бы спохватившись: — Quand Serge ne boit pas, c'est un ange. Un ange.

И съ неизмѣняемой свѣтской улыбкой: Some more tea? Чашка.

Потомъ?

— Позовите его. Гдѣ онъ? Наверху? Я боюсь пойти къ нему. У него въ чемоданѣ браунингъ, онъ грозился убить меня.

Есенинъ не возвращается. Зовемъ, кричимъ, бѣгаемъ, его все нѣтъ. На улицѣ — по зимнѣйски, онъ никого не видѣлъ. Наконецъ, оказывается Есенинъ. Онъ былъ на кухнѣ.

С нимъ обращаются, какъ съ ребенкомъ. Кажется, что иначе и нельзя. У него такой нерѣшительный, неувѣренный видъ. Если его хорошенько встряхнуть, онъ развалится на составныя части. Поистинѣ русскій человѣкъ. В то же время в немъ много хитрецы. Но главное, основное, — беззлобіе. Кажется, что изъ него вынутъ хребетъ. Вѣроятно, онъ самъ сознаетъ свою слабость, сознаетъ, что съ нимъ обращаются, какъ съ ребенкомъ, не привыкъ къ этому, можетъ быть, повѣрилъ.

Входитъ горничная. Есенинъ къ ней:

— Baiser! и чмокаетъ губами въ воздухъ.

Joseph Delteil. Jeanne d'Arc. Bernard Grasset. 1926.

Жанны д'Арк, интересній «Раболіо».

У Дельтей есть страстные поклонники и не менѣе страстные противники. Дѣйствительно, книги его не могутъ оставить читателя равнодушнымъ. В нихъ чувствуется сильная индивидуальность. Надо условиться о значеніи словъ. Обычно, индивидуальность считается до стоинствомъ. Однако, есть плохіе писатели съ сильной индивидуальностью, напримѣръ Пильнякъ, и наоборотъ, прекрасные писатели безъ всякой индивидуальности: хотя - бы Жуковскій (пусть намъ простятъ два разнокалиберныхъ примѣра). Очевидно, индивидуальность есть особенность, присущая авторамъ независимо отъ размѣра ихъ таланта. Мы снова просимъ читателя простить насъ, — на этотъ разъ за школьныя истины, но намъ казалось полезнымъ повторить ихъ, прежде чѣмъ перейти къ разбору книги Дельтейя.

Надо быть Бернардомъ Шоу, чтобъ по новому подойти къ личности Жанны д'Аркъ: ея біографія извѣстна каждому. Дельтей понялъ это и воздержался отъ жизнеописанія французской героини. На біографическихъ канвѣ онъ вышилъ свои витіеватыя, полныя острроумныя, размышленія. Нѣтъ ничего привлекательнѣй книгъ съ частыми отступленіями, а наше время такъ пріятны люди не спѣшащіе по своимъ дѣламъ: къ отходящему поѣзду или къ развязкѣ романа. Но надо, чтобы отступленія отъ повѣствованія были очень высокаго качества, в нихъ всего важнѣй продуманность и искренность, рождающія подлинный пафосъ..

Книжн. маг. въ Парижѣ „МОСКВА“
Librairie russe „MOSKWA“
9, rue Duguytren. Paris (VI)
около Metro Odéon. Tél: Fleurus 37-01.

Аверченко. „Осиновый колъ“
„ „Психологія“
„ „Автобіографія“
Булгаковъ. „Рутовъ. словесности“.
Бѣлоусенкій въ 1 т.
Вышелъ въ 11 кн.
Князь Дашъ въ 4-хъ т.
Полевой. Литература.
Шиллеръ, въ 3 т.
Франшъ. въ 2-хъ т.
Вундтъ. Психологія и философія, въ 2-хъ томахъ.
Джемсъ Селли. Психологія.
Фламмаріонъ. Невѣдомое и Атмосфера въ 2-хъ том.
Уайльдъ. въ 4 томахъ.
Бичеръ-Стоу. „Хижина Дяди Тома“
Пушкинъ. Собр. соч. въ 1 т.
Полевой. Исторія русск. литературы.
Челпановъ. Психологія.
Тефри. Дымъ безъ огня.
Сатирики и юмористы.

эмигрантскаго кочевья — и отразилъ въ своихъ разсказахъ и стихахъ утверждать незамѣнимость для него среды и быта, внѣ которыхъ какъ будто немыслимы для него полнота жизни и духовное цвѣтеніе.

В одномъ томѣ с «Тарантеллой» — напечатанъ былъ изумительный разсказъ того - же автора, разсказъ о старомъ дряхлѣющемъ мужикѣ, оставленномъ при домѣ в лѣтній страдный день, о безмѣрной тоскѣ его по работѣ, по косѣ, по веселому переклику голосов на подях. И вотъ, в этомъ разсказѣ была и есть — оттого что такія страницы всегда — настоящее, времени никогда не подвластное, — в этомъ разсказѣ для каждаго, даже мало - искушеннаго читателя ясна, ощутима спайка органическая с темой, с эпическим образом Кострюки, с его прекрасной печалью, мыслимой на любом мери діанѣ земного шара и вѣчной, как сама рода.

«Кострюк» — «Господин из Сан - Франциско », наконец, « Митина Любовь» — три основныхъ, три главнѣйшихъ момента на длинномъ творческом пу ти Ив. Бунина. Яркія показанія тому, что именно в отрѣшенности от быта, от внѣшних аксессуаров с наибольшей силою, правдивостью и убѣдительностью утверждает себя его творческая мысль, его рѣзец, не из каменюкъ того - то уѣзда, или такой - то губерніи, а из глыб вселенной высѣкающій художественные образы и символы.

Земля — жизнь. «Кострюк» — всеуравнивающая, земныя цѣнности обезпѣнивающая смерть, — «Господин из С.

«Благонамѣренный.» Журнал русской литературной культуры. (Редактор: ккн. Д. А. Шаховской). Книга 1. Брюссель. 1926:

Сомнѣній нѣт: намѣренія новаго журнала столь благія, что именно по нимъ слѣдует судить о немъ и за них придется его хвалить Неизбѣжные недостатки первого номера: пестрота, неравноцѣнность матеріала, слишком случайное содержаніе отдѣла именуемаго архивом и нѣкото рая бѣглость отдѣла библіографическаго, — все это не мѣшает нам радоваться его замыслу, его идеѣ, самой возможности его появленія в свѣт. Он не хочет слу жить ничему кромѣ одной литературы — вот самое главное — и мы увѣрены

ВЫГОДН
госуд. кантора

ВЪ РАЗСРО
CRÉDIT MEDI
NIAKOFF
Срочную ВЫ ее в
Ежемѣсячныя собственныя
Детали и цѣны